

Мережковский Д. Юлиан-отступник. («Смерть Богов») трагедия в 5-ти действиях filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Мережковский Д. Юлиан-отступник. («Смерть Богов») трагедия в 5-ти действиях.

Действующие лица

Клавдий – Флавий – Юлиан, [1] император.

Максим Эфесский, [2] теург.

Саллюстий Секунд, префект Востока.

Виктор, полководец.

Орибазий, [3] врач.

Елена, супруга Юлиана.

Арсиноя, патрицианка.

Евстафий, Пафнутий, Пурпурий, Марис – Епископы.

Памва, отшельник.

Артабан, перс.

Нагодарес, маг.

Великий Иерофант Елевзинских таинств.

Софисты, военачальники, воины, граждане, иеродумы, пресвитеры, дьяконы, монахи, женщины, девушки, дети.

Действие 1-ое:

картина 1-ая: Вилла Максима близ Эфеса;

картина 2-ая: Келья Елены.

Действие 2-е: Дворец императора в Антиохии.

Действие 3-е: Дафнийская роща.

Действие 4-е: лагерь Юлиана в Персии.

Действие 5-ое: там же.

354–363 по Р.Х.

Действие 1-ое

Картина 1-ая

Колоннада виллы Максима близ Эфеса. Справа – вход во внутренние покои, закрытый тяжелой завесой. Вдали море. Вечер. Максим за круглым мраморным столом разбирает древние папирусные свитки. Орибазий входит взволнованный.

Максим. Ты из города. Орибазий? Что нового в Эфесе?

Орибазий. Ничего. Христиане опять разрушают эллинские храмы. Артемидина святилища уж нет. Толпа сожгла его а сокровища разграбила.

Максим. Жалкие люди.

Орибазий. Я проходил по площади. Храм со всех сторон облепили монахи, точно большие черные мухи кусок медовых сот. Столбы дрожали, летели осколки нежного мрамора, казалось он страдает, как живое тело. Потом с пением молитв и хохотом толпа повлекла вниз по ступеням серебряное изваяние богини.

Максим. Презрим и покоримся. Богов не может оскорбить людская глупость.

Орибазий. Да... Когда-то Олимпийцы победили древних богов. Теперь новые боги победят Олимпийцев... Художники, ученые, поэты, любители эллинской мудрости, все мы теперь – лишние. Кончено.

Максим (тихо). А, если не кончено? Пока жив император Констанций, эллины обречены на молчание. Но он не вечен. Близок день – я предчувствую – когда на трон римских кесарей воссядет человек, который поведет нас к победе.

Мережковский Д. Юлиан-отступник. («Смерть Богов») трагедия в 5-ти действиях filosofff.org
Орибазий. Нет, – конечно. Ты знаешь, о чем я думаю. Зачем ты обманываешь бедного Юлиана?

Максим. Он сам хочет быть обманут.

Орибазий. Учитель, скажи, кто ты? Как ты можешь терпеть ложь? Ведь я знаю, что такое магия... Вы сквозь раскрашенные стекла бросаете отражения на белый дым ароматов, а ученик воображает, будто перед ним видения богов.

Максим. Таинства наши глубже и прекраснее, чем ты думаешь, Орибазий, – для того, кто верит. Посмотри, разве природа, которой удивляется мудрость твоя, не такой же призрак обманчивый? Где истина? Где ложь? Ты веришь и знаешь. Я не хочу верить, не могу знать.

Орибазий. Неужели Юлиан был бы тебе благодарен, если бы знал, что ты его обманываешь?

Максим. Я даю ему веру и силу жизни. Ты говоришь – я обманываю. Пусть так. Если нужно, я обману и соблазну его. Я люблю Юлиана. Не оставлю его до смерти. Я сделаю его великим и свободным. (Встает и делает несколько шагов по колоннаде. Потом подходит к Орибазию и кладет ему руку на плечо). – Пойдем, Орибазий. Стемнело. Мне прислали из Гераклеополоса новые тайные свитки Трисмегиста. Я тебе покажу.

(Оба уходят. Входят Арсиноя и Юлиан в одежде послушника).

Арсиноя. Как хорошо... И ты хотел бы все это разрушить. Юлиан? Иди сюда. (Садятся на скамью). Я думаю много о том, что ты говорил... Был ли Александр, Филиппов сын, [4] смиренным? А Брут, [5] тиран и убийца? Что, если бы Брут подставлял левую щеку, когда его ударили по правой? Мне кажется, ты лицемеришь, Юлиан?.. Эта темная одежда не пристала тебе.

Юлиан. Чего ты хочешь, Арсиноя?..

Арсиноя. Я хочу знать, кто ты, Юлиан? Я не верю, что ты против Эллады, против меня. Скажи, что ты мне враг...

Юлиан. Арсиноя, зачем?..

Арсиноя. Говори все. Я хочу знать. Или ты боишься?

Юлиан. Через два дня я покидаю Эфес.

Арсиноя. Куда ты едешь? Зачем?

Юлиан. Письмо от Констанция. Император вызывает меня ко двору, может быть, на смерть. Мне кажется, я вижу тебя в последний раз.

Арсиноя (после молчания). Юлиан, ты веришь в Распятого?

Юлиан (взволнованно). Тише, тише... что ты? (Оглядывается и говорит шепотом). Слушай, я говорю теперь то, чего и сам не смел сказать себе никогда. Я ненавижу Галилеянина. Но я лгал с тех пор, как помню себя. Ложь проникла в душу мою, прилипла к ней, как эта одежда проклятая к телу моему. Вот-вот задохнусь во лжи галилейской...

Арсиноя. Скажи мне все, друг: я пойму тебя.

Юлиан. Хочу сказать и не умею. Слишком долго молчал, Арсиноя, кто раз попался галилеянам в руки, – конечно, – как изуродуют смиренномудрые, так приучат лгать и пресмыкаться, что уже не выпрямиться, не поднять ему головы никогда. О, ненавидеть врага своего, как я ненавижу Констанция, – прощать, пресмыкаться у ног его по-змеинному, по-смиренному, вымаливать милости: “Еще годок, только годок жизни худоумному рабу твоему, монаху Юлиану; потом – как тебе и скопцам твоим, советникам угодно будет, боголюбимейший”. О, низость...

Арсиноя. Нет, Юлиан, если так, – ты победишь. Ложь – сила твоя. Помнишь, в басне Эзопа, осел в львиной шкуре? А ты лев в ослиной, герой в одежде

Мережковский Д. Юлиан-отступник. («Смерть Богов») трагедия в 5-ти действиях filosoff.org монаха. (Смеется). И как они испугаются, когда ты вдруг покажешь им свои львиные когти. Вот будет смех и ужас. Ты хочешь власти, Юлиан?

Юлиан. Власти... О, если бы один год, несколько месяцев, несколько дней власти, – научил бы я смиренных, ползучих, ядовитых тварей, что значит мудрое слово из учителя: “Кесарево – Кесарю”...[6] Да, клянусь богом Солнца, воздали бы они у меня кесарево Кесарю... (Складывая руки крестообразно на груди). Но зачем обманывать себя? Никогда этого не будет... Я погибну. Злоба задушит меня. Слушай: каждую ночь, после дня, проведенного на коленях в церкви, над гробами галилейских мертвецов, я возвращаюсь домой, бросаюсь на постель лицом в изголовье, и рыдаю, грызя его, чтобы не кричать от боли и ярости. О, ты не знаешь еще, Арсиноя, ужаса и смрада галилейского, в которых, вот уже двадцать лет, как я умираю и все не могу умереть, потому что мы, христиане, живучи, как змеи: рассекут надвое – срастаемся. Прежде я искал утешения в добродетели мудрецов и теургов. Тщетно. Не добродетелен я и не мудр. Я – зол, и безумен и хотел бы быть еще злее, безумнее. Я хотел бы быть как дьявол, единственный брат мой. Но зачем, зачем я увидел тебя.

Арсиноя. А что, если я пришла к тебе, юноша, как вещая Сибилла, [7] чтобы напорочить славу? Ты один живой среди мертвых. Ты силен. Пусть у тебя не белые, лебединые, а страшные черные крылья, злые когти, как у хищных птиц. Я люблю всех отверженных, люблю одиноких и гордых орлов больше, чем белых лебедей. Только будь еще сильнее, злее. Смей быть злым до конца. Лги, не стыдись; лучше лгать, чем смиряться. Не бойся ненависти: это буйная сила крыльев твоих. Хочешь, заключим союз? (Приближает к нему лицо).

Юлиан. Что это?.. Сон?.. Пусть, пусть... О, Афродита, я буду любить тебя вечно...

Арсиноя (смеется). Афродита?

Юлиан. Нет... Артемида...

Юлиан целует Арсиною. Она ускользает и убегает. Ночь Входная завеса раздергивается. Появляется Максим в облачении иерофанта. Два иеродума с пылающими факелами сопровождают его. Юлиан не узнает Максима.

Максим. Ты не узнаешь меня, Юлиан?

Юлиан. Учитель. Ты?

Максим. Хочешь, я сниму с глаз твоих повязку и ты узнаешь все?

Юлиан. Учитель, ты обладаешь могучими чарами, освободи мою душу от страха.

Максим. Перед чем?

Юлиан. Не знаю. Я с детства боюсь, – боюсь всего. Жизни, смерти, самого себя, тайны, которая везде.

Максим. Я знаю, что тебе нужно. Я освобожу тебя от галилейского плена, от тени Голгофы[8] лучезарным сиянием митры.[9]

Юлиан. Значит, слова Галилеянина ложь?

Максим. Нет, истина, Юлиан. Две истины? Максим. Две.

Юлиан. Во что же верить? Где Бог?

Максим. И там и здесь. Служи Ариману, [10] служи Ормузду[11] – как хочешь, но помни: оба равны. Царство дьявола равно Царству Бога.

Юлиан. Куда же идти?

Максим. Выбери один из двух путей. Если веришь в Распятого, возьми крест, иди за ним, как он велел..

Юлиан. Я не хочу.

Мережковский Д. Юлиан-отступник. («Смерть Богов») трагедия в 5-ти действиях filosofff.org
Максим. Тогда избери другой путь. Будь сильным и свободным. Восстань и победи все.

Юлиан. Я не могу вынести двух истин.

Максим. Если не можешь, будешь, как все. Лучше погибнуть. Но ты можешь...
Дерзай. Ты будешь кесарем.

Юлиан. Я – кесарь?

Максим. Ты будешь иметь во власти своей то, чего не имел герой Македонский.
(Обводя рукою горизонт). Смотри, это все – твое.

Юлиан. Разве я могу, учитель? Я каждый день жду смерти.

Максим. Все твое, дерзай.

Юлиан. Зачем мне все, если нет единой правды – Бога?

Максим. Ты найдешь Его. Соедини правду Титана с правдой Галилеянина...
Боишься ли ты чего-нибудь, смертный?

Юлиан. Боюсь жизни.

Максим. Душа твоя освобождается от всякой тени, от всякого ужаса, от всякого рабства вином божественных веселий, красным вином буйных веселий митры-диониса. [12] Боишься ли ты чего-нибудь, смертный?

Юлиан. Боюсь смерти.

Максим. Душа твоя становится частью бога Солнца. Митра неизреченный, неуловимый усыновляет тебя, кровь от крови, плоть от плоти, дух от духа, свет от света. Боишься ли ты чего-нибудь, смертный?

Юлиан. Я ничего не боюсь. Я, как он. – (Сбрасывает с себя монашескую одежду. Его облачают в одеяние иерофанта).

Максим. Прими же радостный венец. Еще не умер Констанций, но я благословляю тебя и на царство, император Юлиан.

Юлиан (тихо). Император.

Занавес.

Картина 2-ая

Лютеция-Париж. Келья в башне дворца. Горит лампада. Елена в монашеской одежде на коленях перед аналоем.

Елена (читает). И говорил он громким голосом; убойтесь Бога и воздайте Ему славу, ибо наступил час суда Его, и поклонитесь Сотворившему небо и землю, и море и источники вод.

И другой Ангел следовал за ним, говоря: пал, пал Вавилон, город великий, потому что он яростным вином блуда своего напоил все народы.

И третий Ангел последовал за ним, говоря громким голосом: кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне и сере пред святыми Ангелами и пред Агнцем [13] (Поднимает голову и крестится). Господи, спаси и помилуй душу заблудшего раба твоего Юлиана. (Читает). II дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью. Поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его. (Закрывает книгу). Прости, Господи, ибо не ведает, что творит.

(Молится. Тихо входит Юлиан).

Юлиан. Елена.

Елена (испуганно вскакивая). Кто тут?

Юлиан (подходит к Елене). Все молишься?

Елена. Да, молюсь – и за тебя, милостивый кесарь.

Юлиан. И за меня? Вот как. Ты считаешь меня великим грешником.

(Елена молчит и потупляет глаза).

Юлиан. Не бойся, говори. Не думаешь ли ты, что я в чем-нибудь особенно грешен?

Елена (тихо). Особенно? – Да. Я думаю, не гневайся.

Юлиан. Скажи, в чем? Я покаюсь.

Елена (строго). Не смейся. Я дам ответ за душу твою перед Богом.

Юлиан. Ты... за меня?

Елена. Мы навеки связаны.

Юлиан. Чем?

Елена. Таинством.

Юлиан. Церковным браком? Но ведь мы пока чужие, Елена.

Елена. Я боюсь за душу твою, Юлиан.

(Юлиан быстро наклоняется к Елене и целует ее в губы.)

Елена (бросаясь в угол и закрывая лицо руками). Прочь, прочь, прочь, окаянный. Место наше святое именем честного Креста заклинаю – сгинь, пропади. Да воскреснет Бог и расточатся враги его.

(Юлиан подходит к двери и закрывает ее на ключ).

Юлиан. Успокойся. Ты приняла меня за другого. Но я, такой же человек, как и ты. Дух плоти и костей не имеет. Я – муж твой. Церковь Христова благословила наш союз.

Елена (проводя рукой по глазам). Прости, мне почудилось... Ты вошел так незаметно... Мне уже были видения. Он бродит здесь по ночам. Я его видела дважды. Он говорил мне о тебе. Он говорил, что на челе твоём... Зачем ты так смотришь, Юлиан?

(Елена прижимается к стене. Юлиан подходит и обнимает ее)

Елена. Что ты, что ты... Оставь.

Юлиан. Успокойся.

Елена (зовет). Елевферия, Елевферия.

Юлиан. Глупая, разве я не муж твой?

Елена (плача). Брат мой, этого не должно быть. Я дала обет Богу. Я думала, что ты...

Мережковский Д. Юлиан-отступник. («Смерть Богов») трагедия в 5-ти действиях filosofff.org

Юлиан. Ты думала – я никогда не приду?

Елена. Юлиан, если веришь в него.. (Юлиан смеется). – Прочь, Дьявол. (Крестится). Зачем ты покинул меня, Господи.

(Юлиан бросается к Елене и целует ее).

Елена. Сжался, сжался, брат мой.

(Без чувств падает на руки Юлиану. Юлиан поднимает Елену, кладет на ложе. Несколько мгновений стоит над ней молча. Потом склоняется и целует ее в лоб. Отходит к двери и отпирает ее).

Юлиан. Войди, Елевферия.

Елевферия вбегает и кидается к Елене. Юлиан уходит.

Занавес.

Действие 2-ое

Окруженный колоннами дворик в Антиохийском дворце. Посреди дворика изваяние Афродиты. За колоннами широкая крытая галерея. Участники собора – монахи, дьяконы, епископы, пресвитеры – сходятся и, разбившись на кучки, спорят. Проходя мимо изваяния Афродиты, закрывают лица руками и отворачиваются. Общий гул, прерываемый отдельными криками.

1-ый голос. Доколе же прострется, братья, дерзость еретиков сатанинская?

2-ой голос. При константине[14] – гнали, при констанции[15] – гнали.. Хоть слово сказать дайте.

1-ый голос. Сладкоречием своим не вводите в заблуждение простодушных.

3-ый голос. Сами соблазн учинили.. Церковь, лобзанием Иуды-Констанция растленная, да воскреснет.

4-ый голос. Разрушайте, разрушайте все. Да будут общими имения и жены.

Голоса (вместе). Не слушайте, братия, не слушайте.

Голос (из глубины). Еще на соборе в Ганграх ересью объявлено.

Голоса (отовсюду). Что в Ганграх?.. Сами решим, как изволися Духу Святому и нам.

Шум немного стихает.

Первый пресвитер (дергая за рукав второго). Что притих, авва Дорофей?

Второй пресвитер. Охрип, брат фива. Хочу говорить, а голосу нету. Натрудил себе горло намедни, как низлагали проклятых акакиан.

Шум возобновляется. Входит епископ Евстафий, запыхавшийся и растерянный.

Голос. Пыхтит, точно на гору лезет.

Другой голос. Риза-то по земле так и волочится.

Евстафий (отворачиваясь от изваяния Афродиты, плюет). Тьфу, тьфу,

Мережковский Д. Юлиан-отступник. («Смерть Богов») трагедия в 5-ти действиях filosoff.org искушение. (Крестится). Пречистая Матерь Божия, куда попал. Пустите, пустите. (Хочет уйти).

Копьеносец (отстраняет от двери). Тише, друг.

Евстафий. Не пойду на собор еретический. Пусти.

Копьеносец (удерживая Евстафия). Нельзя. По воле всемилостивейшего кесаря Юлиана, все пришедшие на собор...

Евстафий. Не собор, а вертеп разбойничий. (Смех. Евстафий отходит в угол и садится). Господи. За что мне сие?

Старый монах (молодому). Как венчали богоотступника на царство, сорвал крест со святого знамени и воздвиг Аполлонова идола.

Молодой монах (тихо). Кошунство.

Пурпурий. Слава преблагому, премудрому Августу Юлиану. На аспиде и василиска наступишь и попрешь льва и змия...

Голос (из глубины). Не слушайте, братья. Отступил кесарь от церкви Христовой.

Голоса. Тише, тише, кесарь.

Вдруг молчание. Входит Юлиан. С ним софисты. Среди них Максим.

Юлиан (войдя на возвышение). Старцы и учителя. За благо сочли мы оказывать подданным нашим; исповедующим учение Галилеянина Распятого, всевозможное снисхождение и милосердие. Желая восстановить мир всего мира, столь долго нарушаемый распрями церковными, призвал я вас, мудрецы галилейские. Под нашим покровительством и защитой вы явите, уповаем, пример тех высоких добродетелей; кои приличествуют вашему духовному сану, вашей вере и мудрости...

Пурпурий. Слава преблагому, премудрому Августу.

Голоса. Тише. Тише. Слушайте.

Юлиан. Братьев ваших; изгнанных соборами при Константине и Констанции, возвратили мы из ссылки. Живите в мире, галилеяне, по завету вашего Учителя... Для полного же прекращения раздоров поручаем вам, мудрейшие наставники, прийти к некоторому соглашению церковному, дабы установить единое и общее для всех исповедание веры. Судите и решайте властью; данную вам от церкви. Мы же удаляемся; предоставив вам свободу и ожидая вашего решения.

Юлиан и свита уходят.

Старый монах (молодому). Видел старика с белой бородой?

Молодой монах. Кто это?

Старый монах. Сам дьявол в образе Максима Волхва; он-то и соблазнил императора.

Евстафий. Отцы и братья. Разойдемся. Разойдемся в мире. Не будем веселить врагов наших; воздержимся от гневного слова. Заклинаю именем Бога Всевышнего, разойдемся, братья, в безмолвии.

Пурпурий. Не слушайте. Не расходитесь, да не преступите воли кесаревой.

Евстафий. Нет, братья...

Пурпурий. Не братья мы вам, – отыдите, окаянные. Мы – чистая пшеница Божия, а вы – солома сухая, сожигаемая Господом.[16] Слава, слава преблагому,

Мережковский Д. Юлиан-отступник. («Смерть Богов») трагедия в 5-ти действиях filosofff.org
премудрому Августу.

Голос. Разойдемся, отцы в мире...

Голоса. Не расходитесь, братья, не расходитесь.

Пурпурий (продолжая). Пусть заглянет теперь в церкви наши кто-нибудь из
цецилианских епископов, – возложим мы ему руки на голову, но не для того,
чтобы избрать пастырем, а чтобы раздробить череп...

Пафнутий. Я, Пафнутий, как приял от отцов, так и содержу. Не три Бога, но
един. Един Бог, а не три. Как приял, так и содержу...

Монах (худой и бледный, цепляясь за стихат Пафнутия). Отче Пафнутий. Что же
это? Из-за одного, все из-за одного слова: подобносущий или единосущный?..
Из-за одной йоты?

Пафнутий. Так что же? Из-за одной, да.

Монах. Отче Пафнутий, из-за йоты. А в священном-то Писании нет даже слова
“сущность”.

Пафнутий. Нет? Ну и не надо.

Монах. Из-за чего же спорим и терзаем друг друга? Подумай, отче, сколь
ужасно такое наше злонравие.

Пафнутий. Так неужели же примириться с окаянными псами, изbleвавшими из
еретического сердца, что было время; когда Сына не было?

Монах. Един Пастырь; едино стадо.[17] Уступим.

Пафнутий (кричит). Да не будет сего. Арианскую гнусную ересь анафематствую.
Как приял от отцов, так и содержу...

Монах. Отче Пафнутий. Отче Пафнутий. Из-за одной йоты. Един пастырь, едино
стадо. Уступим.

Пафнутий. Да не будет, да не будет. Арианскую гнусную ересь анафематствую.

Дьякон Аэтий (насмешливо). Бог отец по сущности своей чужд Богу Сыну. Есть
Троица, но Ипостаси различествуют по славе.

Евстафий. В Писании сказано...

Аэтий. Что мне до Писания? Я верю в диалектику, а не в букву. Рассуждайте,
придерживаясь категорий и силлогизмов Аристотеля.

Евстафий. Господи, помилуй нас, грешных. Ничего не разумею. Запутался,
голова кругом идет: единосущный, неединосущный... В ушах звенит, сам не знаю,
во что верю, во что не верю, где ересь, где не ересь. Господи Иисусе
Христе, помоги нам. Погибаем в сетях дьявольских.

Пафнутий. Да не будет, да не будет. Как приял от отцов, так и содержу.

Монах. Признаю собор никейский, [18] ересь Арианскую [19] анафематствую.

Каинит. Благословенны не покорившиеся Богу. Благословенны Каин, Хам, Иуда,
жители Содом и Гоморры. Благословен отец их, Ангел Бездны и Мрака.

Голос. Мрак безымянный в скудоумной голове твоей.

Пурпурий (бросается на каинита). Не потерплю сей мерзости. (Его
удерживают). Пустите. Дайте заградить уста нечестивцу. Не потерплю сей
мерзости. (Плюет Каиниту в лицо). Вот тебе, каиново отродье. (Плюет). Вот
тебе.

(Общее смятение и свалка. Копьеносцы разнимают монахов).

Мережковский Д. Юлиан-отступник. («Смерть Богов») трагедия в 5-ти действиях filosofff.org
Копьеносец. Тише... Во дворце не место. Или мало вам церквей, чтобы драться.
(Воины хотят схватить Пурпурия).

Пурпурий (отбиваясь). Леона, Леона, дьякон Леона! Дьякон Леона (размахивая дубиной, спешит на помощь Пурпурию). Господу хвала. Господу хвала. Хвала Господу.

Юлиан выходит на трибуну и, скрестив руки на груди, молча смотрит на происходящее. Увидя его, все замирают.

Евстафий (тихо). Дьявол. Дьявол...

Юлиан. Вот как исполняете вы закон любви, галилеяне. Вижу теперь, что значит ваша любовь. Воистину, хищные звери милосерднее, чем вы, братолюбцы. Скажу словами вашего Учителя: “Горе вам, законники, что взяли вы ключ разума: сами не вошли и входящим воспрепятствовали. Горе вам, книжники и фарисеи” [20]... Ежели не умеете сами управлять собою, то вот, говорю вам, остерегая от худших зол: слушайте меня, галилеяне, и покоряйтесь.

Голос из толпы (не громко, но явственно). Антихрист.

Монахи, крестясь и бросая друг на друга злые взгляды, покидают атриум. Юлиан также собирается уйти. В это время к нему подводят епископа Мариса, седовласого сгорбленного слепца.

Марис. Внимай пророчеству моему, кесарь, ибо сам Бог говорит тебе ныне устами моими. Слово Господне сжигает сердце мое, – и не могу молчать. Дни твои сочтены. Вот еще немного, и погибнешь, исчезнешь, как прах, взметенный вихрем, как быстролетная молния. Источник Кастальский умолкнет навеки, – пройдут и посмеются над ним... Аполлон станет опять безгласным идолом, Дафнэ деревом, оплакиваемым в басне. И порастут могильною травой низвергнутые храмы... Так вещаем мы, галилеяне, люди презренные, поклоняющиеся Распятому, ученики рыбаков капернаумских [21] (Поднимая голову к нему и крестясь). Благодарим тебя, Господи. Ныне очищается церковь твоя гонением.

Юлиан. Кончил, старик?

Марис. Вот мои руки, мучители. Вяжите, видите на смерть. Господи, приемлю венец.

Юлиан. Не думаешь ли ты, мой друг, что я поведу тебя на смерть? Я отпущу тебя с миром. В душе моей нет злобы против тебя.

Марис. Не соблазняй. Не отступлю от Христа. Отыди, враг человеческий. Палачи, ведите меня на смерть. Вот я.

Юлиан. Здесь нет палачей, галилеянин. Здесь все такие же добрые люди, как ты. Успокойся.

Марис. Да поразит тебя Господь, богохульник.

Юлиан. Господь не сделает меня слепым во гневе; а тебя зрячим.

Марис. Благодарю Бога моего за слепоту. Не дает она очам моим видеть окаянное лицо Отступника.

Юлиан. Сколько злобы, сколько злобы в таком дряхлом теле. Вы говорите о смирении и любви, галилеяне, а какая ненависть в каждом вашем слове... За что? Разве я не брат ваш? Иди же с миром, слепец, и помни, что не одни галилеяне умеют прощать. (Отходит от него).

Двое дьяконов уводят Мариса. Все уходит, кроме телохранителей. Юлиан опускается на скамью. Арсиноя в одежде послушника с куклом на лице, ранее скрывавшаяся за колоннами, подходит к Юлиану.

Мережковский Д. Юлиан-отступник. («Смерть Богов») трагедия в 5-ти действиях filosoff.org
Арсиноя. Кесарь блаженный, дозвожь смирению моему...

Юлиан. Говори.

Арсиноя (откидывая куколь с лица). Юлиан, зачем ты лжешь?

Юлиан. Арсиноя, Арсиноя. Тише.

По знаку Юлиана воины уходят.

Юлиан. Арсиноя... Бледная, одежда черная... и ты с ними?

Арсиноя. Да, с ними и с Ним.

Юлиан. Забыла союз наш?

Арсиноя. Нет, помню. Люблю тебя, брат мой. Затем и пришла.

Юлиан. Брат?.. Ты любишь себя, только себя.

Арсиноя. Я хотела бы любить и себя, и других, как Он велел. Но не могу. Я ненавижу и себя, и других. (Молчание). Надо преодолеть себя, надо победить в себе не только отвращение к смерти, но и к жизни...

Юлиан. Что они сделали с тобой, Арсиноя. Что они сделали. Как ты могла поверить?.. Нет, не могла, не веришь.

Арсиноя. Верю. Хочу верить. Хочу и буду.

Юлиан. Арсиноя, теперь я вижу, – ты не ушла от нас. Хотела и не могла. Пойдем сейчас, пойдем со мною.

Арсиноя (спокойно). Бедный, бедный... такой же, как я... Сам не знаешь, куда зовешь. И на кого надеешься? Боги твои – мертвецы. Оставь меня... я не могу ничем тебе помочь. Зачем ты обманываешь себя? Разве ты не такой же неверующий, погибающий, как и все мы?.. Что значит твое милосердие, странноприимные дома? Все это – подражание галилеянам, неизвестное древним героям Эллады.

С улицы доносятся крики, во дворце также поднимается шум. Входят Максим, Орибазий и несколько рабов.

Максим. Прости, кесарь. (Берет Юлиана за руку и указывает на небо). Все. Пожар.

Первый раб. За рекой?

Второй раб. Не за рекой, а в предместье Гарандама...

Первый раб. Нет; нет – в Гезире, у жидов...

Максим. Не в Гезире и не в Гарандаме, а в роще Дафнийской.

Орибазий. Сегодня перенесение галилейского праха...

Юлиан. Храм Аполлона. Галилеяне... Рабы... Скорее. Коня и пятьдесят легионеров.

Максим, Орибазий и рабы уходят.

Юлиан (подбегает к Арсине, берет ее за руку и говорит быстро, шепотом). Нет, ты не права, Арсиноя. Помнишь ту ночь в саду? Помнишь, как ты искушала меня, галилейского монаха? Так же, как я теперь искушаю тебя... Так вот, лев уже сбросил ослиную шкуру... Душа моя не знает страха, воля моя непреклонна. Силы рока ведут меня. А ты?.. Ты?.. Прежняя сила и гордость в лице твоём, Арсиноя, а не рабское смирение галилеяна. Не я, а ты лжешь... Сердце так не

Мережковский Д. Юлиан-отступник. («Смерть Богов») трагедия в 5-ти действиях filosoff.org изменяет. Арсиноя... Пойдем сейчас, пойдем со мною, и... завтра ты будешь супругой римского кесаря.

Арсиноя (отталкивая Юлиана). Уйди.

Юлиан. Арсиноя, вспомни наш союз. Разве я не жених твой?

Арсиноя (надвигая куколь и крестясь). Господи, помилуй... Услышь меня, Господи, и помилуй.

Юлиан (торжествуя). Не веришь, не веришь в Него.

Арсиноя. Да не будет, Господи.

Юлиан. Не Его, – меня любишь.

Арсиноя (твердо). Я – невеста Христова...

Юлиан (гневно). Елена – невеста Христова: невеста римского кесаря не может быть невестой Христовой.

Арсиноя. Я – невеста Христова. Уйди.

Юлиан. Обе мертвые, мертвые... Бедные... Прости. (Быстро уходит).

Слышны звуки набата и труб. Постепенно все стихает Арсиноя одна, стоит неподвижно, прислонившись к колонне.

Занавес.

Действие 3-е

Храм Аполлона в Дафнийской роще. Пожар. Толпа. Набат.

Толпа. Смерть богам. Смерть... Христос победил.

Первый голос. Велик Аполлон Дафнийский.

Толпа. Смерть богам и твоему Аполлону.

Второй голос. Ишь, мощи потревожили, мощи им помешали, – вот и покарал Господь.

Толпа. Смерть богам. Смерть.

Третий голос. Все разрушим, все разрушим во славу Отца и Сына и Духа Святого. Змейки, змейки-то какие.

Первый гражданин. Посмотрим, вылетит ли бес. Говорят, в каждом идоле по бесу, а в богинях – так по два и по три.

Женщина. Как начнет плавиться, сделается лукавому жарко, – он и выпорхнет из поганого рта, в виде огненного змея...

Второй гражданин. Надо перекрестить, а то в землю ужом уползет.

Мальчишки (переваливаясь с ноги на ноги, поют).

Мясник идет.

Мясник идет.

Юлиан идет.

Острый нож несет,

Бородой трясет.

С шерстью черною.

С шерстью длинною.

Бородой своей козлиною.

Старуха. Погибли, погибли мы все до единого. Покарал Господь. Соседка такое сказывала, что сперва не поверили...

Голос из толпы. Расскажи, старушка, расскажи. (Старушку обступают).

Старуха. В Газе, милье, в городе Газе случилось. Попали язычники на женскую обитель. Выволокли монахинь, рассекли тела их и кинули внутренности свиньям.

Монах. Я сам видел в Гелиополисе Ливанском язычник пожирал сырую печень убитого дьякона.

Старуха (плюет). Тьфу, мерзость.

Шум в глубине рощи.

Голос из толпы. Памва. Памва. Из пустыни пришел народ обличать, великих низвергнуть, малых спасти...

Толпа растет. Люди протискиваются вперед, глазуют на пылающий храм; одни крестятся, другие закрывают лицо и отворачиваются. С толпой входит старец Памва. У него грубое, широкоскулое лицо, обросшее волосами; вместо туники холщовый заплатанный мешок, вместо хламиды пыльный бараний мех с куколем для головы, на ходу он позвякивает длинною палкою с острым наконечником.

Старуха. Божье чудо. Божье чудо.

Первый гражданин. Молния ударила и зажгла крышу...

Старуха. А вот и не молния, – врешь; утроба земная разверзлась, изрыгнув пламя, внутри капища, под самым кумиром.

Первый гражданин. Еще бы. Какую учинили мерзость: мощи потревожили. Думали – даром пройдет. Как бы не так.

Монах (злорадно). Вот тебе и храм Аполлона. Вот тебе и прорицание вод Кастальских.

Мальчишки (поют).

Ку-ку-ре-ку.

Горе бедным петушкам.

Му-му-му-му;

Горе беленьким бычкам.

Перебьет их император

В жертву мерзостным богам.

Входит отряд воинов с Саллюстием Секундом во главе. Воины хотят кинуться на толпу. Саллюстий останавливает их.

Памва (потрясая клюкой). Здравствуй, храброе сатанинское воинство. Здравствуй, премудрый начальник римский. Вспомнили, должно быть, старину, когда вы нас жгли. Древней философии учили, а мы за вас Богу молились? Ну, что ж, добро пожаловать. Чем грозите? Что можете? Мы среди вас – бесчисленные, неуловимые. Нет у нас границ, нет отечества. Не надо нам ни меча, ни огня: так много нас, что стоит лишь всем сразу удалиться, – и вы погибли, города ваши опустеют, вы ужаснетесь своему одиночеству. Помните же; римская империя сохраняется только нашим христианским терпением...

Толпа. Верно, верно. Только терпим.

Голос. Долго ли еще терпеть?

Толпа. Смерть, смерть. Ужо вас всех.

Толпа с угрожающим видом надвигается на воинов и Саллюстия.

Мережковский Д. Юлиан-отступник. («Смерть Богов») трагедия в 5-ти действиях filosofff.org
Саллюстий (спокойно). Именем кесаря, граждане, разойдитесь.

Один из центурионов (подходя к Саллюстию, тихо). Ударить бы в мечи, господин? Толпа буйная...

Саллюстий. Не надо, сами разойдутся. И без того у галилеян много мучеников.

Из-за храма доносятся крики. Саллюстий поспешно уходит в сопровождении воинов. Юлиан, в шлеме и с мечом, пробивается сквозь толпу, бросается к храму и распахивает двери. Оттуда вырываются клубы дыма, освещенные пламенем.

Юлиан (отступая назад). Поздно, поздно.

Голос (в толпе). Кесарь. Август. Кесарь.

Внезапная тишина.

Юлиан. Поздно. Конец... (прислушиваясь к шуму). Что такое?.. Где Саллюстий?.. (вспомнив). Сокровищница.

Входит Саллюстий.

Саллюстий. Милостивый Кесарь.

Юлиан. Что случилось?

Саллюстий. Галилеяне побили камнями жреца Георгия...

Юлиан. А сокровищница?

Саллюстий. Цела. Жрец заслонил дверь, стоя на пороге, и не дал осквернить святыню. Не сдвинулся с места, пока не свалился, пораженный камнем в голову. Галилейская чернь вломилась бы, но мы подоспели.

Юлиан (указывая на храм). Поджог? (К толпе). Антиохийцы. Знайте: поджигатели Аполлонова храма и мятежники без пощады будут наказаны. Вы смеетесь над моим милосердием, – посмотрим, как посмеетесь вы над моим гневом...

Памва. Сам говоришь: “конец, конец”. Нет врачества для раны твоей.

Юлиан. Несчастные. Если жизнь вам надоела, разве трудно найти веревки и пропасти?

Издали доносится пение.

Хор (поет, приближаясь). “Облако и мрак окрест Его. Пред ним идет огонь и вокруг пополяет врагов Его. Горы, как воск, тают от лица Господа, от лица Господа всей земли. Да постыдятся служащие истуканам, хвелящиеся идолами. Поклонитесь пред Ним все боги”.

Юлиан (прислушиваясь). Что это?

Саллюстий. По твоему повелению, могущественный Август, галилеяне переносят мощи мученика Вавилы[22] из Дафнэ в Антиохию.

Солдаты приносят на носилках убитого Георгия.

Юлиан (подходя к носилкам). Жив?

Орибазий. Умер.

Мережковский Д. Юлиан-отступник. («Смерть Богов») трагедия в 5-ти действиях filosofff.org

Голос из толпы. Собаке – собачья смерть.

Георгия уносят. В толпе ропот и сдержанный смех.

Юлиан. Вот как исполняете вы закон любви, галилеяне. Воистину хищные звери милосерднее, чем вы, братолюбцы. Пока еще, милостью богов, я – император, слушайте меня. Вы можете смеяться над бородой и одеждой моею, но над римским законом (Саллюстию). Разогнать толпу, хватить мятежников.

Солдаты бросаются на народ, завязывается свалка; одни убегают, других связывают.

Памва. Что ж, избивайте нас, римляне. Пусть прольется кровь мучеников, – земля ею очистится, мертвые кости вновь станут творить чудеса.

Юлиан. Помните: я казню вас не за веру, а за мятеж.

Памва. Лжешь, богохульник. За веру Христову казнишь.

Юлиан. Вот как. (Саллюстию, указывая на Памву). В цепи негодяя.

Солдаты связывают Памву.

Памва. Лжешь, лжешь, за веру Христову, за веру казнишь. Зачем же не милуешь меня, как Мариса, слепца Халкедонского? Зачем, по обычаю твоему, не прикрываешь насилие ласкою. Братья, убоимся не кесаря римского, а Бога небесного.

Толпа отбивается от солдат. Они вынимают мечи.

Памва. Избивайте, избивайте нас, римляне, – да приумножимся. Цепи – наша свобода, слабость – наша сила. победа наша – смерть.

Орибазий. Юлиан, что ты делаешь? Достойно ли твоей мудрости?

Юлиан. Поди прочь, и все вы подите прочь, с вашими советами, глупцы. Я знаю, что делаю. С негодяями, неверующими в богов, нельзя говорить, как с людьми, – надо истреблять их, как хищных зверей. Что за беда, если десяток-другой галилеян будут уничтожены рукою одного эллина?

В глубине рощи проходит шествие. Иереи, в облачении, дьяконы, монахи с восковыми свечами, девы, отроки и дети с пальмовыми ветвями; над толпой рака с мощами.

Хор (поет). Да постыдятся служащие истуканам, хвалящиеся идолами. Поклонитесь пред ним все боги.

Юлиан, обнажая меч, хочет броситься в толпу.

Юлиан (воинам). Мужи, за мной.

Саллюстий (преграждая ему дорогу). Кесарь. Не нападай на безоружных.

Юлиан (опуская меч). Уйдите все.

Все уходят.

Лагерь Юлиана в Персии. Палатка. Сквозь откинутый полог видна выжженная степь. Вечереет. Юлиан, Саллюстий, Максим, Орибазий и софисты.

Юлиан (Саллюстию). Подождать? Все вы точно сговорились. Подождать. Как будто я могу ждать и колебаться. Разве галилеяне ждут? Пойми, я должен возвратиться победителем, или совсем не возвращаться.

Саллюстий. Откуда же, милостивый кесарь, достанем мы хлеба для такого войска?

Юлиан. Войско должно быть готово к походу. Слышишь? Никаких отговорок.

Раб вносит Юлиану ужин.

Юлиан (беря тарелку). Золотая? Зачем? Где прежняя глиняная?

Раб. Прости, государь, – разбилась...

Юлиан. Вдребезги?

Раб. Нет, только с краю.

Юлиан. Принеси.

Раб уходит.

Юлиан. Так помни. Саллюстий, – мы будем продолжать поход. От этого зависит не только слава моя и спасение римской империи, но и победа богов над Галилеянином. Ступай.

Саллюстий уходит. Раб приносит тарелку.

Юлиан (взяв тарелку). Вот она – моя милая. Я заметил, друзья; что сломанные вещи служат дольше и лучше новых. В них есть особая прелесть. Я боюсь новизны, ненавижу перемены. Старого всегда жаль, даже плохого.

Один из софистов (тихо, другому). Слышал? Бережет одинаково и свои разбитые тарелки, и своих полумертвых богов.

Юлиан (ставя тарелку на столик). Ничего, еще долго прослужит... А за мою любовь к старине не судите меня слишком строго. Старые, глупые песни трогают меня до слез. Я люблю вечер больше утра, осень – больше весны. Я люблю все уходящее. Воспоминание имеет надо мною большую власть, чем надежда. Возвраты люблю я больше, чем пути вперед.

Орибазий. О, кесарь, ты говоришь, как мечтатель. Но грезы опасны: судьбы мира в руках твоих.

Юлиан. Я боюсь нового. В старом, в старом – мое сердце. Новое только в старом, в умершем, в поруганном...

Максим. Сын мой, дозвожь мне говорить с тобой наедине.

По знаку Юлиана все уходят.

Максим. Ты погибнешь. Изменяющий себе погибает.

Юлиан. И ты, Максим.

Максим. Помни, Юлиан: плоды золотых Гесперид[23] вечно зелены.[24]

Мережковский Д. Юлиан-отступник. («Смерть Богов») трагедия в 5-ти действиях filosoff.org
Милосердие – мягкость и сладость слишком зрелых плодов. Ты – постник, целомудрен, ты скорбен, ты милосерд. Ты называешь себя врагом христиан, но ты сам – христианин.

Юлиан. Нет.

Максим. Ты думаешь, что злейший враг твой Галилеянин?

Юлиан. А кто же?

Максим. Ты сам.

Юлиан. Учитель, я слаб, но боги не оставят меня.

Максим. Нет богов. Ты – один.

Юлиан опускает голову на руки.

Максим (положив руку на плечо Юлиану). Утешься. Или ты не понял? Я хотел испытать тебя. Боги есть. Видишь, как ты слаб. Боги есть, они любят тебя. Только помни: не ты соединишь правду скованного Титана с правдой Иисуса Распятого.

Юлиан. Учитель. Скажи, что ты – он и я благословлю тебя и пойду за тобой.

Максим. Нет, сын мой. Я свет от света, дух от духа Его. Я еще не Он. Я – надежда, я – предвестник.

Юлиан. Зачем же ты скрываешься от людей? Явись...

Максим. Время мое не настало. Уже не раз приходил я в мир и еще приду не раз. Люди боятся меня. Тайна любви и свободы моей для них страшнее смерти. Они так далеки от нее, что даже не распинают меня и не побивают камнями, как своих пророков, а только не узнают. И я уйду, как тень, с немymi устами и закрытым лицом.

Юлиан. Не уходи, не покидай меня.

Максим. Не бойся, я не покину тебя до конца. Я люблю тебя, потому что ты должен погибнуть из-за меня, возлюбленный сын мой, и нет тебе спасения. Люди проклянут тебя, но никогда не забудут.

Юлиан. О, божественный. Если даже слова твои ложь, дай мне умереть за эту ложь, потому что она прекраснее истины.

Максим (возлагая руки на голову Юлиана). Некогда я благословил тебя на жизнь и на царство, император Юлиан, – ныне благословляю на смерть и бессмертие. Иди, погибни за Неведомого, за Грядущего, за Антихриста. (Целует Юлиана в лоб и медленно уходит).

Входит Виктор.

Виктор. Государь, прости. В лагерь только что прибыл перебежчик от царя Сапора. [25] Называет себя Артабаном; говорит, что он сатрап, оклеветанный пред Сапором и бежавший к тебе отомстить своему царю. Повелишь привести?

Юлиан. Приведи.

Виктор уходит.

Входят Саллюстий, Орибазий, военачальники, потом Виктор, воины приводят перса. Его сопровождают двое рабов.

Артабан (падая ниц и целуя землю). О, владыка вселенной. Я отдам тебе Сапора, связанного по рукам и ногам, как жертвенного агнца. Только слушай

Мережковский Д. Юлиан-отступник. («Смерть Богов») трагедия в 5-ти действиях filosoff.org
Артабана. Артабан может все. Артабан знает тайны царя.

Юлиан. Чего ты хочешь от меня?

Артабан. Мщения. Пойдем за мною.

Юлиан. Куда?

Артабан. На север, через пустыню. – 325 паразангов; потом через горы, на восток, прямо в Сузам и Экбатане. (Указывает на край неба). Туда, туда.

Виктор (шепчет Юлиану). Государь, берегись. У этого человека дурной глаз. Он – колдун. Прогони его, не слушай.

Юлиан. Ты точно знаешь путь к Экбатане?

Артабан. О да, да, знаю, еще бы не знать. Каждую былинку ковыля в степи, каждый колодец. Верь мне, через двадцать дней вся Персия в руках твоих – до самой Индии, до знойного океана... Не гони меня, я буду лежать, как собака, у ног твоих и нюхать землю. (Целует землю у ног Юлиана. Оба раба падают ниц).

Юлиан. Что же делать с кораблями? Покинуть без войска на добычу врагам, или остаться при них?

Артабан (шепотом). Сожги.

Юлиан (вздрагивая). Сжечь?

Артабан. Боишься? Ты? Нет, нет, люди боятся, не боги. Сожги. И через десять дней ты у стен Экбатаны, через двадцать – Персия в руках твоих.

Юлиан. А ты не лжешь?.. Если я читаю в сердце твоем, что ты лжешь? (Схватывает перса за горло).

Артабан. Дай мне умереть, дай умереть от руки твоей. Страшно и сладко смотреть в очи твои. Я, я один знаю, кто ты... Не отвергай раба твоего, господин.

Юлиан. Посмотрим. Я сам давно хотел идти в глубину пустыни, искать битвы с царем. Но корабли?

Артабан. Да, корабли... Надо скорее выступить, в эту же ночь, до рассвета, пока темно, чтобы враги из Ктезифона не увидели... Сожжешь?

Юлиан (в страхе). Уведите и не спускайте с него глаз. (Перса уводят). Как же быть? Как быть?

Виктор. Блаженный кесарь. Не делай этого. Сжечь только что сооруженный флот, тысячу двести лучших трирем, потерять все припасы...

Юлиан. Спросим богов. (Саллюстию). Позвать прорицателей.

Саллюстий уходит.

Юлиан. Неужели это и есть то чудо, которого я ждал? Через двадцать дней Персия в моих руках.

Орибазий (тихо Виктору). Курица решит сейчас судьбу империи.

Виктор. Безумие. Нужно удержать его. Пусть соберет военный совет.

Входит Великий Иерофант Елевзинских Таинств.

Юлиан. Отец, спаси меня. Я должен знать волю богов.

Иерофант. Сильный будет низвержен. Страшная смерть...

Мережковский Д. Юлиан-отступник. («Смерть Богов») трагедия в 5-ти действиях filosoff.org
Юлиан. Кто? Я или Перс?

Иерофант. Не знаю.

Юлиан. Не знаешь?

Иерофант. Кесарь, не торопись. Сегодня ночью не решайся ни на что. Подожди до утра: предзнаменования сомнительны...

Входит Маг Нагодарес.

Нагодарес. Юлиан, радуйся. Эта ночь решит судьбу твою. Спешу, дерзай, – а то будет поздно.

Маг и Иерофант смотрят друг на друга.

Иерофант (Юлиану, хмурясь). Берегись.

Нагодарес. Дерзай.

Юлиан. Что же делать? Что же делать? (Вспомнив). Сибиллова книга. Она не обманет. (Достает кипу свитков и роется в них). – Дерзай... Вот чего я ждал. Жребий брошен. (Знаком удаляет прорицателей). Виктор, ко мне. (Пишет на клочке папируса, снимает с пальца перстень и, отойдя с Виктором в сторону, говорит тихо). Приказ и золотой перстень с императорской печатью к начальникам флота: немедленно сжечь корабли, кроме пяти больших с хлебом и двенадцати малых. Кто будет противиться, ответит головой. Сохранить все в тайне. Ступай.

Виктор целует у Юлиана край одежды и уходит.

Юлиан (военачальникам). Друзья мои, немедленно отправляйтесь к своим легионам.

Саллюстий. Милостивый Август, так ли я понял тебя: неизменно ли твое решение выступить сегодня?

Юлиан. Да.

Ропот.

Саллюстий. Подумай, милостивый кесарь: мы завоевали половину Персии. Половину Персии. Сапор предлагает такие условия мира, каких цари Азии не предлагали ни одному из римских победителей. Заключим же мир, пока не поздно, и вернемся в отечество...

Виктор. Послушайся, государь, разумного совета.

Юлиан. Половина Персии. Мир... (решительно). Никакого мира. Все на земле должно быть кесарево.

Саллюстий. Воины ропщут, – не доводи их до отчаяния. Они устали. Если ты поведешь их дальше, нельзя отвечать ни за что. Сжался.

Военачальники. Воины ропщут. Надо вернуться. Вернемся, кесарь.

Из лагеря доносится гул голосов. Все прислушиваются.

Юлиан (холодно). Вы знаете волю нашу. Она неизменна. Через два часа мы выступаем. Смотрите, чтобы все было готово. (Поворачивается к военачальникам спиной).

Мережковский Д. Юлиан-отступник. («Смерть Богов») трагедия в 5-ти действиях filosofff.org

Саллюстий (спокойно и почтительно). Блаженный Август. Я не уйду. Мы можем извинить слова только минутным затмением, которое омрачает твой божественный разум.

Юлиан (усмехаясь). Ну, что ж. Тем хуже для вас, друзья мои. Значит, вы – в руках безумца.

Саллюстий (берет Юлиана за руку). Этого не будет, кесарь. Ты не можешь...

Крики в лагере становятся громче.

Юлиан. Пусть покричат. Бедные, глупые дети.

Врывается толпа солдат. Солдаты. Горят, горят. Корабли горят.

Центурион (вбегая, бросаясь к ногам Юлиана). Кесарь. Да помилуют нас боги. Он убежал...

Юлиан. Кто?

Центурион. Артабан. Артабан. Горе нам. Он обманул тебя, кесарь.

Юлиан. Не может быть. А рабы его?

Центурион. Только что в пытках признались, что Артабан не сатрап, а сборщик податей. Он придумал эту хитрость, чтобы спасти город и передать тебя в руки персов.

Юлиан. Гасите. Гасите. Гасите. А-а-а... (хватаясь за голову). Поздно. Поздно.

Молчание. Вдали возрастает гул голосов.

Юлиан. Устал я, устал... (опираясь на руку Орибазия, подходит к походному ложу и падает на него в изнеможении).

Орибазий (толпе). Тише, тише. Кесарь болен.

Полководцы. Тише. Кесарь болен.

Голоса в толпе. Тише, тише. Кесарь болен. Кесарь болен. (Слова перекачиваются по рядам войска, и в лагере воцаряется мертвая тишина).

Юлиан (приподнимается на ложе). Все равно... все равно... Будет чудо... будет.

Занавес.

Действие 5-ое

Та же палатка. Предрассветные сумерки. Горит лампада перед небольшим изваянием Аполлона. Воины, Орибазий, Максим и Виктор вносят раненого Юлиана и кладут на ложе. Опускают полог палатки. Глубокое молчание. Орибазий промывает и перевязывает рану. Юлиан нем и неподвижен. Изредка долетает шум утихающей битвы.

Виктор (Орибазию). Дышит?

Орибазий (качает головой). Плох. Не знаю, очнется ли.

Максим (отводя Виктора в сторону). Как это случилось?

Виктор. Персы бежали. Он кинулся без щита, без лат, с открытой грудью. Войско отстало. Только несколько телохранителей следовало за ним. Один из

Мережковский Д. Юлиан-отступник. («Смерть Богов») трагедия в 5-ти действиях filosofff.org
персов оглянулся, узнал его и прицелился. Копье свистнуло. Кесарь
воскликнул и упал с коня на руки телохранителей.

Юлиан тихо стонет.

Орибазий. Тише, друзья.

Юлиан (приходя в себя). Где я? (Приподнимаясь на ложе). Коня, коня. Скорее, Виктор.

Орибазий и Виктор подходят.

Орибазий (поддерживая Юлиана). Блаженный кесарь...

Юлиан (отталкивая Орибазия). Оставь. Я должен быть там, с ними, до конца. (Встает). Видите, я еще могу... Скорее щит, меч, коня.

Виктор подает Юлиану щит и меч.

Юлиан (шатаясь, делает несколько шагов. Роняя оружие и падая на руки Виктора и Орибазия). Кончено... (Поднимая руки к небу). Ты победил, Галилеянин [26] (Его укладывают на ложе). Да, конечно... умираю.

Орибазий. Государь, ты не умрешь. Такие раны вылечивают.

Юлиан. Не обманывай. Зачем? я не боюсь. Я умру смертью мудрых. (Воинам). Поднимите завесу.

Воины откидывают завесу. Серые, выжженные холмы розовеют на утреннем небе.

Юлиан (Максиму). Увижу ли солнце?

Максим. Увидишь, сын мой. (Указывая на горизонт). Вот оно, уже близко.

Юлиан (впадая в забытие, бредит). Я не хочу... Слышишь? Уйди... Виктор, Виктор. (Приподнимается). Что тебе до меня, галилеянин?.. Зачем ты так смотришь?.. Как я любил тебя, Пастырь добрый, Тебя одного... Нет, нет, пронзенные руки и ноги? Кровь? Тьма? Я хочу солнца, солнца. Зачем ты застиг солнце? (Хочет встать).

Виктор и Орибазий удерживают Юлиана. Он затихает и приходит в себя.

Юлиан. Когда же солнце?

Максим. Уж всходит. Смотри.

Холмы становятся красными.

Юлиан. Погасите лампаду.

Максим гасит лампаду.

Юлиан. Так, Хорошо. Позовите военачальников. Я должен говорить.

Орибазий. Милостивый кесарь, тебе нужен покой.

Юлиан. Все равно. До восхода не умру. Виктор, выше голову.

Виктор подкладывает Юлиану под голову подушку. Входят Саллюстий и военачальники.

Саллюстий. Победа, кесарь, победа. Маран бежал с двумя сыновьями Сапора. Пятьдесят сатрапов пали.

Юлиан. Видишь, друг мой; как мудро было сжечь корабли. (К военачальникам). Мужи, час мой настал, быть может; слишком ранний, но видите, я радуюсь, и нет в душе моей ни скорби, ни страха. Я исполнил долг и, вспоминая прошлое, не раскаиваюсь. В те дни, когда, всеми гонимый, ожидал я смерти в пустыне Капподокии, в замке Мацеллум, и потом на вершине величия под пурпуром римского кесаря, – сохранил я душу мою незапятнанной. Если же не исполнил всего, что хотел, не забывайте люди. что делами земными управляют силы рока. Ныне благословляю Вечного за то, что дал Он мне умереть не от медленной болезни, не от руки палача, а на поле битвы, во цвете юности среди недовершенных подвигов. Расскажите врагам и друзьям моим, как умирают Эллины.

Все опускаются на колени. Некоторые плачут.

Юлиан. Не плачьте, дети. Непристойно плакать о том, кто возвращается в отечество. Виктор, утешься.

Саллюстий (подходя и целуя Юлиану руку). Блаженный Август, кого назначаешь наследником?

Юлиан. Все равно. Судьба решит. Не должно противиться. Пусть галилеяне торжествуют. Мы победим, и с нами Солнце (смотрит на небо). Смотрите, вот оно, вот оно.

Солнце всходит. Первые лучи его падают на лицо Юлиана.

Орибазий. Кесарь, отдохни.

Юлиан (задыхаясь). Пить, пить.

Виктор подает Юлиану золотую чашу. Юлиан смотрит на солнце и медленно, жадно пьет.

Юлиан (держа чашу обеими руками и откинув назад голову, тихо). Радуйтесь. Смерть – солнце. Я как ты, о Гелиос. (Падает, роняя чашу, и умирает).

Молчание. Максим склоняется и целует Юлиана в уста.

Максим (поднявшись и глядя в лицо мертвому). Ты рано пал и победа тебя не венчала. Но не тщетен твой подвиг и слава твоя не померкнет в веках. Восстанут и пойдут за тобой иные мятежники, титана древнего могучие и сумрачные дети. В иных веках начнется та же борьба и кто знает чем, чем кончится? (Кладет левую руку на руку Юлиана, правую поднимает к небу с вызовом). Нет, Ты еще не победил, Галилеянин.

Занавес.

1916–1919

Примечания

1

Мережковский Д. Юлиан-отступник. («Смерть Богов») трагедия в 5-ти действиях filosoff.org
Клавдий Флавий Юлиан – (331–363), “отступник”, римский император с 361 по 363 гг., крупный писатель и мыслитель своего времени.

2

Неоплатоник, наставник Юлиана.

3

(IV в. н. э.) придворный и врач Юлиана (из Пергама), жил в Константинополе.

4

Александр Великий (Македонский) (356–323 до н. э.) – древнегреческий полководец, сын Филиппа II (382–336 до н. э.).

5

Брут Марк Юний (85–42 до н. э.), глава заговора против Цезаря.

6

Евангелие от Матфея (XXII, 21).

7

или Сивилла – легендарная женщина-пророчица

8

Холм в окрестностях Иерусалима, где, по евангельскому преданию, был распят Христос.

9

“Непобедимое Солнце”. Здесь в значении – победа языческого над христианским.

10

В персидской мифологии (Ангра Майнью) – злой дух.

11

(Ахура Мазда) – добрый бог.

12

Праздник “непобедимого Солнца” (Митры). Дионис (Вакх) (греч.) – бог вина и виноделия, олицетворение живой силы природы.

13

Откровение Иоанна Богослова (XIV, 7–9).

14

Константин I или Константин Великий, Флавий Валерий (ок. 274–337) – римский

Мережковский Д. Юлиан-отступник. («Смерть Богов») трагедия в 5-ти действиях filosoff.org
император с 306 г., в его правление праздник “непобедимого Солнца” (Митры)
стал отмечаться как праздник рождества Христова.

15

Констанций II (317–361), средний сын Константина, двоюродный брат Юлиана,
римский император с 351 по 361 гг.

16

Евангелие от Матфея, XIII, 40.

17

Евангелие от Иоанна (X. 16).

18

Созван императором Константином в 325 г. Собор принял так называемый
Никейский символ веры. Было признано, что сын божий является единосущным
отцу.

19

Пресвитер Арий выступил на соборе с учением о том, что в божественной
троице только бог-отец является вечным.

20

Евангелие от Матфея (XXIII, 13).

21

Христиане, последователи апостола Петра.

22

Вавила Никодимийский – мученик IV века, замученный за отказ принести жертву
языческим богам.

23

Т. е. – Мир языческих богов.

24

В античной мифологии – дочери Геспера охраняют яблоню с золотыми плодами.

25

Сапор II (310–381) – Персидский царь, воевавший с Римом и преследовавший
христиан на Востоке.

26

По преданию, Юлиан произнес эти слова перед смертью 26 июня 363 г., когда
был ранен в битве с персами вблизи города Ктесифонта на восточном берегу
Тигра.

Мережковский Д. Юлиан-отступник. («Смерть Богов») трагедия в 5-ти действиях filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!